

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4; 316.7

Л.Б. Внукова, Т.Ю. Власкина

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2020 г.,
№ госрегистрации проекта АААА-А19-11901190185-9.*

На основе междисциплинарного исследования общественного мнения установлены причины размежевания Донбасса с Украиной и усиления русского компонента в комплексе региональной идентичности, стремления к широкой интеграции с Россией. Синхронный срез мнений показывает необходимость решительных шагов по легитимации ЛДНР, защите населения и экономической реабилитации региона, при отсутствии которых прогнозируется рост социальной апатии вплоть до тотального разочарования в идеях «русского мира».

Ключевые слова: Донбасс; Донецкая Народная Республика; Луганская Народная Республика; идентичность; самоидентификация; виртуальные сообщества.

На протяжении шести лет происходят глубочайшие трансформации общественного сознания людей, проживающих на территории юго-востока Украины. Согласно данным опроса, проведенного в июле 2020 г. Центром Разумкова, конфликт на юго-востоке страны является первоочередной проблемой для украинского общества [1]. По данному вопросу ведется интенсивная работа зарубежных ученых, в том числе исследователей с Донбасса. Так, А. Матвеева, рассуждая в русле цивилизационного подхода, ясно сформулировала причины произошедшего на юго-востоке Украины, заявив, что отдельная цивилизационная сообщество выражается на Донбассе в языке, истории, культуре, институтах и собственных традициях – во всем, что имеет значение для жителей данного региона [2]. И. Пилигаев считает, что «ценностный конфликт на Донбассе, размытый разрывами этнической и языковой идентичности, берет свое начало в эпоху холодной войны» [3]. В статье С. Куделии и Дж. Ван Зайл утверждается, что конфликт на Донбассе объясняется значимым расколом идентичностей, определяющих субъективные оценки и суждения. На основании анализа результатов опроса 2015 г. исследователи установили, что респонденты, идентифицирующие себя с регионом, более склонны к положительному восприятию повстанцев, нежели лица с украинской идентичностью, которые с большей вероятностью не одобряли повстанцев, ощущали страх при встрече с ними и интерпретировали их мотивы через материальные причины [4].

Г. Сасс и Э. Лэкснэр рассматривают факторы трансформации идентичности, изучая мнения четырех категорий лиц: жителей подконтрольного Киеву Донбасса, жителей Донецкой Народной Республики (ДНР) / Луганской Народной Республики (ЛНР), переместившихся в Украину, переехавших в Россию. Отмечается роль родного русского языка и принадлежности к московскому патриархату как факторы, снижающие вероятность выбора идентичности «гражданин Украины». То есть эти факторы можно интерпретировать как принципиальные для притяже-

ния к России. Г. Сасс и Э. Лэкснэр делают важный вывод о том, что конкретные региональные или местные условия жизни перемещенных лиц в новых пунктах назначения могут влиять на их идентичность [5]. Последнее утверждение не ново, это одно из проявлений конформизма в обществе, а также желания обезопасить себя через подстройку под «идеологический мейнстрим», эти социальные феномены всегда присутствуют в любом обществе. Данное явление находится в фокусе внимания Ю. Абибок, которая пишет, что ДНР и ЛНР прилагают усилия по легитимации и укреплению своей государственности, прежде всего, посредством новой исторической политики – введения новых государственных праздников, проведения масштабной кампании, посвященной увековечиванию воспоминаний о новых повстанческих героях ЛДНР [6]. Ю. Абибок считает, что продолжение конфликта в нынешнем формате, вместе с конструированием собственного исторического нарратива, существенно усложнит интеграцию региона в пространство Украины [6]. Конкуренция государственных нарративов отмечается также в статье Т. Кузио, где со ссылкой на социологический опрос 2019 г. автор утверждает, что 67% украинцев считают, что российский режим стремится «уничтожить независимость и суверенитет Украины» [7]. Этот результат можно рассматривать и по-другому: после стольких лет «массированной пропаганды» одна треть украинцев, тем не менее, не видит в России врага. Однако согласимся с авторами А. Харан, М. Яковлевой и М. Золкиной [8], что противостояние на Донбассе только укрепило гражданскую идентичность на Украине. Об этом так или иначе свидетельствуют различные мониторинги общественного мнения украинских социологических центров. Аналогичный процесс происходит и на Донбассе, по мнению исследователей: «Если сильная региональная идентичность сыграла заметную роль в начале войны, она, вероятно, только укрепилась в мятежных районах после нескольких лет их фактического отделения от Украины» [8]. А. Харан, М. Яковлева и М. Золкина отмечают давление общественного мнe-

ния на украинские власти в части дипломатического решения конфликта и готовности к компромиссам и считают, что многие политические новшества украинского правительства с 2014 г., особенно в образовательной и языковой сферах, были основаны на этноцентрических представлениях о необходимости достижения большей однородности украинской нации. «Успешная реинтеграция частей Донбасса потребовала бы адаптации государственной политики к часто расходящимся культурным потребностям местных жителей, чтобы обеспечить большую совместимость между национальными и локализованными типами идентичности» [8].

А. Вэйро-Рамос и Т. Любыва также отмечают региональную поляризацию по выраженности украинской идентичности (более слабая на юге и востоке), отношению к статусу русского языка, взаимосвязи идентичности и геополитических ориентаций и др. [9]. С. Пахоменко и соавторы размышляют о причинах того, почему в общественном сознании на Донбассе присутствовало осознание уникальности этого региона, и приходят к выводу, что экономическая мощь и спортивные достижения «привели к закреплению в региональном сознании гипертрофированного чувства региональной идентичности, веры в его лидерство и его незаменимость» [10]. Исследование американского автора Э. Гальяно содержит дискуссионные, на наш взгляд, утверждения: «Хотя этническая идентичность не вызывает поляризованных предпочтений, она важна для формирования политических взглядов. Также анализ оригинальной базы данных заявлений жителей Донбасса показывает, что они были мотивированы поддерживать сепаратизм из-за местных проблем, усугубляемых чувством покинутости Киева, а не из-за русского языка и пророссийских вопросов внешней политики» [11].

Русскоязычные исследования идентичности на Донбассе, а также связанных по смыслу вопросов общественного мнения включают в основном работы авторов, проживающих непосредственно в регионе: например, статьи Н.Е. Мaziной, А.В. Гордеевой, И.А. Анисимовой [12], В.Н. Кусургашева, И.Е. Татарина, А.В. Герасимова [13] и др. В отдельных публикациях представлены результаты опросов, проведенных на территории непризнанных республик ДНР и ЛНР, именно поэтому такие публикации представляют отдельный интерес для нашего исследования. Касаясь взглядов ученых Донбасса на причины социально-политических процессов 2014 г., приведем мнение Э.А. Ангелиной: «Для того чтобы ясно представлять специфику нынешней региональной идентичности населения Донбасса, нужно упомянуть, что в Донбассе на протяжении двух столетий шёл процесс смешения множества языков, влияния культурных событий, религий. Русский язык был одним из условий успешной адаптации человека к жизни в Донецком крае» [14]. В.Н. Кусургашев считает, что этнокультурные идентичности преобладают над другими: «В Украине в 2014 г. можно было наблюдать проявления значительного ущемления прав и свобод многонационального населения, живущего на территории Донбасса, выразившегося, прежде всего, в подавле-

нии этнической и культурной идентичностей» [15]. Не все исследователи Донбасса видят идентичность ключевой причиной, например, А.Б. Клименко считает, что «национальная составляющая вторична, а желание сохранить промышленный потенциал региона первично. Это во многом и побудило население присоединиться к Русскому миру, как к глобальному проекту, как в экономической, так и культурной составляющей, где приложение труда людей Донбасса было бы более эффективным» [16]. Подводя итог, следует отметить, что взгляды исследователей на проблему идентичности на Донбассе по обе стороны конфликта во многом совпадают, различия содержатся в оценочной плоскости и желании увидеть / обосновать ту или иную (ангажированную) точку зрения. Рассмотрев актуальность проблем идентичности на Украине, обратимся к опросам общественного мнения, для того чтобы оценить важность вопросов самоидентификации и идеологических предпочтений для жителей Донбасса. Для этого проанализируем данные онлайн-опроса, проведенного в 2020 г., и полученные результаты соотнесем с другими доступными исследованиями. Кроме того, руководствуясь междисциплинарным подходом, рассмотрим вопросы идентичности методами этнолингвистической экспертизы на основе речевых манифестаций жителей ЛДНР на страницах открытых интернет-ресурсов и сопоставим полученные результаты.

С социологическими опросами на территории непризнанных республик (ДНР и ЛНР) ситуация сложная, на этой территории нет официальной мониторинговой статистики. В нашем исследовании мы будем использовать информацию о небольших опросах, опубликованную в тезисах или научных статьях авторов, проживающих на Донбассе. Данные редких социологических опросов, которые публикуются, иногда вызывают определенные дискуссии [17], тем не менее, все доступные публикации примем во внимание для сопоставления с полученными результатами. Анкета настоящего онлайн-опроса была размещена в социальной сети в одной из групп ДонНУ в конце сентября – начале октября 2020 г. с просьбой заполнить и распространить среди знакомых. В силу объективных обстоятельств исследование проводилось методом «снежного кома» и охватило 86 человек (47 мужского, 39 женского пола), по возрасту оказались представлены все группы: (от 15 до 24 лет – 36%; от 25 до 34 лет – 26,7%; от 35 до 44 лет – 23,3%; от 45 до 55 – 9,3%; старше 55 лет – 4,7%). Две трети респондентов имеют высшее образование, что следует учитывать при трактовке результатов. Ввиду немногочисленности ответов количественные методы обработки результатов не могут репрезентативно отражать мнение жителей Донбасса, поэтому в первую очередь примем во внимание открытые вопросы, т.е. используем качественные методы анализа. Один из таких вопросов состоял в просьбе написать главные идеи (и / или) ценности, которые объединили людей в период «Русской весны» 2014 г., и отметить, остаются ли они актуальными на данный момент. На этот вопрос содержательно ответили 73 человека; если обобщенно сформулировать мнение большинства и

выделить ключевые идеи, то, прежде всего, это чувство отчужденности, неприятия идей Майдана (национализма, нацизма и т.п.) и смены власти в Киеве, выступление против навязывания украинства, ущемления русского языка. Вот как об этом писали респонденты: «Категорическое неприятие украинского национализма и соответственно Евромайдана и того нового украинского государства, в котором власть взяли сторонники украинского национализма»; «Неприятие нацизма, уважение к историческому прошлому, право на родной (русский) язык»; «Русский язык, память о войне, общее несогласие с режимом в Киеве» и др. В некоторых ответах акцентируется то, что люди ощущали себя ущемлёнными и «решили выступить против всех, чтобы стать более значимыми», или «1) Нежелание терпеть унижения со стороны незаконной националистической власти. 2) Ощущение острой несправедливости по отношению к Донбассу и всему русскоязычному, пророссийскому населению Украины как к людям второго сорта». «Справедливость (я, как и все жители Донбасса, всегда чувствовал себя “неполноценным” под властью Киева). «Идея одной территории с Россией, свободное использование русского языка во всех сферах деятельности, общая с Россией культура, невозможность принятия чуждого русскому человеку украинского национализма (нацизма)». «Язык, собственная значимость». Логичным продолжением было желание сближения с Россией вплоть до присоединения, поэтому, как было указано в одном из мнений, «идея одной территории с Россией» или, в других ответах: «Неприятие переворота в Киеве, желание выйти из состава Украины и войти в состав РФ по примеру Крыма», «пойти по пути Крыма». Пример Крыма в 2014 г. породил коллективное ожидание на Донбассе, о чем писалось в предыдущей работе [18].

В некоторых ответах использовались ценностные понятия патриотизма, любви к родине, защиты права, исторической справедливости, памяти, правды: «Любовь к родной земле», «право на самоуправление», «свобода и правда», «право на выбор», «самоопределение», «память об общем прошлом», «справедливость, правда, отечество» и др. Об идее построения более справедливого общества написали несколько человек. Некоторые респонденты указали религиозные причины: «защита веры», «справедливость, антифашизм, русская культура (язык, ценности, мировоззрение, вера, история)», «русская культура, русский язык, православная вера» и др. Двое указали на страх и «испуганность». Следует заострить внимание, что некоторые высказывались в негативном ключе о событиях 2014 г.: «невежество, недалёковидность, напуганность», «невежество, покорность и псевдопатриотизм», «необходимость защитить Украину, осознание ее как родины, которая нуждается в нас», «те, кто ничего не добился при прошлой власти, решили выступить в 2014», «Разногласия, продуманная пропаганда». Обобщая разные точки зрения, сделаем вывод о том, что многие люди на Донбассе и до 2014 г. ощущали ущемление своих прав говорить / обучаться / использовать в социальной жизни родной русский язык. События на Майдане для большинства были переломными, подвигшими выйти на площадь и защитить свои идеалы и

ценности. Стремление к сближению с Россией – закономерное следствие. Конечно, нельзя утверждать, что абсолютно все жители Донбасса разделяли данную точку зрения. Одновременно присутствовали разные взгляды, в том числе, как мы уже указали выше, и противоположные большинству. Как ёмко сформулировал один из респондентов мотивацию участников протестных акций на Донбассе (орфография и пунктуация сохранены): «Утилитарная идея – Россия богатая страна, там больше денег, поэтому и нам что-то переподет! Антиукраинская (антиукроповская) у нас такого, как в Киеве не будет! Пофигистическая – пойдем посмотрим, что там народ собрался?!»

Вторая часть вопроса – сохраняют ли идеи свою актуальность на данный момент – показала, что многие респонденты, первоначально разделявшие идеи «Русской весны» на Донбассе, писали о разочаровании и утрате их из-за череды жизненных трудностей, экономического упадка, пережитых за шесть лет. «Эти идеи частично сохраняют свою актуальность, но на фоне более чем 6 лет неопределенности и тяжёлого социально-экономического положения идеология отошла на второй план, более приоритетны стали вопросы банального физического выживания. У многих разочарование и глухое недовольство. Строй ДНР далек от социальной справедливости, под урапатриотическую пропаганду идёт фактическое ухудшение социально-экономического положения, как показатель – сокращение рабочей недели, низкие заработные платы, длительные задержки выплаты заработной платы на многих промышленных предприятиях, шахтерские забастовки в ЛНР». Ближе к концу анкеты присутствовал отдельный уточняющий вопрос «Как вы думаете, идеи социальной справедливости актуальны для самопровозглашенных республик?», на который более половины ответили, что нет. Это мнение складывается из суммы ответов «Нет, используются только для лозунгов и пропаганды» (47,7%) и «Нет, они были важны в 2014 году, но сейчас потеряли свою актуальность» (10,5%). Примерно только четверть считают, что «да, ДНР и ЛНР двигаются к построению справедливого общества», а 16,3% думают, что «идеи социальной справедливости – это утопия, они в принципе нереализуемы».

Соотнесем качественный анализ открытых вопросов с остальными вопросами анкеты, в данном случае полученные количественные показатели будем рассматривать не как точные социологические величины, а как отражение определенных тенденций, которые далее сравним с данными других исследований. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы продолжающееся противостояние между народными республиками ЛДНР и Украиной оправданным?» показывает, что около 30% указали «да, я не при каких условиях не хочу подчиняться власти в Киеве», второй по популярности ответ – «Нет, человеческие жертвы недопустимы с обеих сторон» (22,1%) (табл. 1). Получается, что военную борьбу не поддерживает примерно половина опрошенных. Двое респондентов написали, что необходима более быстрая интеграция с Россией, остальные негативно высказались насчет текущей ситуации и государственности ДНР.

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы продолжающееся противостояние между народными республиками ЛДНР и Украиной оправданным?», %

Вариант ответа	
Я готов терпеть все трудности, потому что мы боремся за правильные идеи и более справедливое общество	16,3
Да, я не при каких условиях не хочу подчиняться власти в Киеве	29,1
Сначала я поддерживал(а) вооруженную борьбу, а сейчас – нет	11,6
Нет, человеческие жертвы недопустимы с обеих сторон	22,1
Нет, я считаю, что восточный Донбасс – часть Украины, внутренние разногласия надо решать мирными методами	10,5
Свой вариант	6,9
Затрудняюсь ответить	3,5

Вопрос, связанный с ожиданием развития ситуации на линии соприкосновения в ближайшем будущем, показал, что более половины респондентов считают, что ситуация будет сохраняться в нынешнем положении. Если сложить второй по популярности ответ на этот вопрос «Боевые действия полностью не прекратятся, но их интенсивность будет снижаться» с результатом «Боевые действия полностью прекратятся» и сравнить с суммой результатов ответов «Значительно усилится военное давление на границе, вплоть до попыток прорыва и наступления на территорию ЛДНР» и «Интенсивность боевых действий будет нарастать», то людей, ожидающих мирного развития событий будет больше, нежели придерживающихся сценария военного вторжения. Это отражает небольшое преобладание оптимистических взглядов среди населения и во многом совпадает с распределением ответов на вопрос «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?». Самый распространенный ответ – «Отчасти устраивает, отчасти нет» – набирает порядка 40%, точно так же «оптимистов» – тех, кого жизнь «вполне» и «по большей части» устраивает, немного больше, чем выбравших противоположные по смыслу ответы.

Обратимся к анализу ключевых для нашего исследования вопросов, касающихся самоидентификации и самоопределения, иными словами, идентичности. В табл. 2 и 3 приводится распределение ответов на вопросы «Кем вы себя считаете?» и «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?». В приоритете у опрошенных региональная идентич-

ность – «житель Донбасса» (58,1%). Следует отметить, что схожие цифры указываются и в других социологических исследованиях. Например, по данным украинского исследования, территориальную идентичность в ДНР разделяли в 2016 г. 60%, а в 2017 г. – 72% [19]. Причины приоритета донбасской самоидентификации рассматривались в более ранней работе [18]. Украинская национальная самоидентификация оказывается менее значимой, чем русская, потому что, во-первых, за шесть лет многие люди с соответствующими взглядами уехали на территорию подконтрольной Киеву территории Украины. Во-вторых, возможно, некоторые поменяли или маскируют свою самоидентификацию, подстраиваясь под доминирующее общественное мнение. Совсем отвергающих украинскую идентичность чуть более трети – заметно меньше не считающих себя «гражданами Украины». Можно предположить, что в случае восстановления контроля Киева доля людей, считающих себя больше украинцами, нежели русскими, возрастет, в том числе за счет разделяющих популярную на Донбассе гибридную идентичность «русский украинец». Даже в рамках настоящего «разведывательного» опроса наблюдается небольшая группа, не разделяющая отношения большинства к идеям «Русской весны» 2014 г. и, соответственно, негативно оценивающая все, связанное с этими событиями. Два человека напрямую написали, что считают себя гражданами Украины. Среди прочих вариантов идентичности, которые респонденты хотели прописать дополнительно, – религиозные и политико-философские предпочтения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кем вы себя считаете?», %

Ответ	В приоритете, самое важное	Значимо	В некоторой степени	Совершенно не считаю	Нейтрально
Русским	52,3	23,3	17,4	5,8	1,2
Украинцем	8,1	19,8	25,6	37,2	9,3
Православным / верующим	20,9	26,7	17,4	25,6	9,3
Гражданином ДНР / ЛНР	22,1	29,1	27,9	16,3	4,7
Гражданином России	32,6	22,1	18,6	18,6	8,1
Гражданином Украины	11,6	8,1	25,6	45,3	9,3
Жителем Донбасса	58,1	29,1	10,5	2,3	0
Жителем своего города / села / населенного пункта	53,5	29,1	9,3	2,3	5,8

На приоритет региональной идентичности также указывается и в опубликованном Н.Е. Мазинной исследовании, проведенном кафедрой юридической психологии и педагогики Донбасской юридической академии совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом в ноябре–декабре 2019 г., в

котором изучался процесс социальной идентификации населения в условиях социальной неопределенности [20]. Выборочная совокупность охватила 176 человек в возрасте от 18 до 73 лет. «Распределение ответов респондентов на вопрос “Кем Вы себя считаете?” показало, что среди социальных идентич-

ностей опрошенных преобладает региональная идентичность» [20]. Н.Е. Мазина в подтверждение этого тезиса приводит таблицу с ранжированием значимости той или иной самоидентификации для человека, на второй позиции оказывается идентичность «русский». Для нашего исследования также имеет важное значение наличие двойной и тройной идентичностей у респондентов, например «русский – донбассовец» или «гражданин ДНР – донбассовец – русский» [20].

Вернемся к анализу результатов, представленных в табл. 3. Для того чтобы уточнить, насколько та или иная самоидентификация выступает объединяющим фактором, задавался вопрос: «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?» Наиболее выбираемой оказалась широкая по смыслу формулировка «Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь». На втором месте, и это симптоматично для Донбасса, – формулировки «Люди, пережившие (и переживающие) трудности вооруженного конфликта вместе со мной» и «Люди, близкие мне по культуре». Чуть меньше ответов «в значительной степени» набирает формулировка «Люди, говорящие на одном со мной языке», но по сумме ответов «в значительной» и «в некоторой» степени (первые две колонки) сопоставима с ними. Возвращаясь к вопросу об объединяющих идеях на Донбассе, как раз получается,

«выстреливают» культурный и языковой факторы, а отдельно от них «национальный» вопрос не имеет такой объединяющей силы. Распределение оценки ощущения близости для категории «Люди моей национальности» также подтверждает, что она не является определяющей для большинства. Это отмечалось и в других исследованиях [11]. Общность «Граждане моего государства» важна примерно для трети опрошенных. На такой результат оказывают влияние объективные обстоятельства – в силу непризнанности республик Донбасса и наличия у людей разных паспортов под «своим государством» можно подразумевать ЛДНР, Россию или Украину. Тем не менее политические вопросы в целом представляют интерес для подавляющего большинства жителей Донбасса – об этом свидетельствует то, что общность «Люди, близкие мне по политическим взглядам» является лидером среди ответов «в некоторой степени». А учитывая группу людей, считающих значительной степень близости «по политическим взглядам», получается, что данные вопросы волнуют более 85%. Самая слабая по объединяющей силе общность – религиозная, в том числе и по ответам «Не ощущаю близости». Заметим, что в предыдущем вопросе (табл. 2) эта самоидентификация показала схожий результат.

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «В какой степени Вы ощущаете чувство общности с другими людьми?», %

Для меня «мы» это – ...	В значительной степени	В некоторой степени	Не ощущаю близости	Затрудняюсь ответить
Люди, разделяющие мои взгляды на жизнь	64	33,6	1,2	1,2
Люди, близкие мне по политическим взглядам	25,6	61,6	10,5	2,3
Граждане моего государства	32,6	46,5	16,3	4,7
Жители моего города	36	47,7	12,8	3,5
Люди моей национальности	27,9	45,3	19,8	7
Люди одного со мной вероисповедания	18,6	38,4	26,7	16,3
Люди, говорящие на одном со мной языке	45,3	40,7	12,8	1,2
Жители всей Земли	25,6	31,4	23,3	19,8
Люди, близкие мне по культуре	52,3	32,6	9,3	5,8
Люди, пережившие (и переживающие) трудности вооруженного конфликта вместе со мной	52,3	31,4	11,6	4,7

Этот смысловой блок в анкете продолжает вопрос о том, как понимают жители Донбасса «русский мир». 43% опрошенных ответили, что это «идеологическое движение с правильными ценностями: стремление к миру, справедливости, языковое и культурное единство и др.», 16,3% указали, что это «прежде всего независимость Донбасса от идеологических ориентаций украинского майдана, защита родного русского языка и региональной культуры». Данное процентное распределение по смыслу совпадает с результатами качественного анализа, в том числе что существует индифферентная группа (12,8% смутно представляют, что подразумевается под «русским миром», а 4,7% затруднились ответить), а также и оппозиционная к власти непризнанных республик (10,5% полагают, что «русский мир» – искусственное образование, навязанное политиками). Следующий вопрос показал: половина опрошенных респондентов считает, что большинство граждан самопровозглашенных республик желают интегрироваться в Россию и таковых со временем все больше. Противоположного мнения – «Хо-

тели в 2014 г., но с каждым годом таковых все меньше» – придерживаются 27,9%. Симпатично, что в эпоху постправды на вопрос «Каким источникам информации вы доверяете больше всего?» самый распространенный ответ – никаким (25,6%). Разброс мнений на этот вопрос: 16,3% – интернет, СМИ / мнение блогеров из ЛДНР, 10% доверяют прежде всего официальной версии России и еще примерно столько же – официальной информации представителей власти ЛДНР.

На вопрос «Лично для вас важно, кто находится у государственной власти?» половина респондентов указали: «Для меня принципиально, чтобы власть избиралась свободно и демократично волею народа и те, кто находится у власти, уважали закон и права человека». Это означает, что демократические ценности приоритетны для жителей Донбасса, и это следует учитывать всем вовлеченным в данный конфликт. Анализируя другие ответы на этот вопрос, можно выделить аполитичную группу примерно в четверть респондентов – это выбравшие ответы «Мне не принци-

пиальны политические приоритеты государственного руководства, лишь бы правительство обеспечивало мир, порядок, работу и достойный уровень жизни» и «Нет, мне все равно. Я не верю в благие намерения и обещания правителей, предпочитаю надеяться только на свои силы».

На закрытый вопрос «Как вы считаете, какие изменения вероятны в ближайший год?» был предложен широкий спектр ответов, среди которых более 60% выбрали ответ «Ничего не поменяется, все будет примерно также». Такой высокий процент говорит о распространении апатии, что также указывалось в более ранних работах [18]. Второй по распространенности ответ – «Включение в состав России» выбрала примерно шестая часть респондентов. Логическое продолжение в форме открытого вопроса «А каких изменений вы бы желали из перечисленных?» показал, что примерно половина хотела бы вхождения в состав РФ. Отметим, что столько же людей также ответили на вопрос: «На ваш взгляд, большинство граждан самопровозглашенных республик желает интегрироваться в Россию?». Среди других ответов выделяется группа желающих признания государственности, причем в некоторых ответах прописывалось сразу несколько вариантов; также есть желающие расширения границ республик. Отдельно стоит отметить людей, желающих интегрироваться обратно в Украину или какого-то мирного разрешения: «Просто закончить войну и все. Без разницы в какой стране. То, что должно было прекратиться за год, длится уже 6 лет»; «Включение в состав России / Добровольное возвращение территории ЛДНР под юрисдикцию Киева – уже неприципиально». Так или иначе хотели бы возвращения под контроль Киева 14 человек из опрошенных. Заострим внимание на том, что выделяется небольшая группа, ориентировочно процентов 15, которая не побоялась обозначить свои взгляды, не совпадающие с мнением большинства. Если учесть существование людей, разделяющих такие же взгляды, но скрывших их и подстроившихся под мнение большинства, то получается, что эта группа еще больше. Сопоставление с другими исследованиями косвенно подтверждает высказанное предположение. Так, в уже упоминавшейся работе Н.Е. Мазиной предлагается тезис на основе распределения ответов на вопрос об отъезде с территории непризнанной республики: «Показательно, что количество респондентов, воспринявших новое состояние общества, нашедших свое место в обновленной социальной реальности, и тех, кто не определился в новых условиях либо категорически не приемлет перемены, распределилось практически поровну – 50,3% и 49,7% соответственно» [20]. Этот тезис совместно с данными рассматриваемого опроса 2020 г. можно трактовать как подтверждение распространения апатии в обществе, о чем уже упоминалось выше.

Выявленные при анализе анкеты тенденции во многом совпадают по смыслу с данными других исследований. Так, если принять во внимание результаты опроса осени 2019 г. компании New Image Marketing Group по заказу украинского Института будущего, то хотят присоединиться к России более половины жите-

лей «оккупированных территорий»: «51% “войти в состав РФ” + 13% “войти в состав РФ с особым статусом”. Только 5% хотят “быть частью Украины, как прежде”, 13% хотят особый статус в составе Украины. Более 90% считают, что война началась из-за революции в Киеве и влияния США» [17]. Похожие результаты приводятся в статье В.Н. Кусургашева [21]. Социологическое исследование «Подростковые идентичности в контексте переходного периода» проходило в начале 2016 г. и было организовано кафедрой философии и социологии Луганского государственного университета. Большинство из опрошенных 305 школьников в возрасте от 12 до 15 лет видят будущее Донбасса в составе Российской Федерации. «Менее трети респондентов говорят об автономности, независимости ЛНР, несколько человек – о возвращении территории Республики в состав Украины. После получения соответствующего образования жить и работать в России хотели бы 55,9% респондентов, 29,9% – жить и работать в ЛНР» [21].

Исследование Центра восточноевропейских и международных исследований (ZOIS, г. Берлин) проводилось в феврале–марте 2019 г., на подконтрольной Киеву территории было проинтервьюировано 1 200 человек согласно многоступенчатой выборке, на неподконтрольной территории было проведено 1 200 телефонных интервью. Формулировка вопроса относительно самоидентификации была направлена на выявление приоритетной идентичности: этнической, гражданской, языковой, территориальной; поэтому и результаты в абсолютных значениях нельзя сравнить с проведенным исследованием. Однако полученные результаты можно сопоставить по смыслу: «На неподконтрольных правительству территориях картина идентичности более разнообразна: 21% идентифицируют себя как смешанные этнические русские и украинцы. Региональная идентичность также более заметна в самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республиках (ДНР / ЛНР), чем в контролируемом правительством Донбассе: 18% в ДНР / ЛНР назвали себя выходцами из Донбасса и около 12% – жителями ДНР / ЛНР. Около 13% выбрали «гражданина Украины» в качестве своей основной идентичности – примерно столько же, сколько и доля, определившая себя как “этнические русские” (12%). Эти результаты позволяют избежать необоснованных заявлений о сепаратистской и российской идентичности в этой части Донбасса» [22]. Если проанализировать изменения самоидентификации за три года, то фиксируются значимые трансформации в некоторых категориях в 2019 г. по сравнению с 2016 г. – люди чувствуют себя «более украинцами», «русскими и украинцами одновременно», а также сильно уменьшилась группа тех, чьи чувства не изменились, что свидетельствует о высокой динамике процессов личной самоидентификации в обществе. Кроме того, в этом докладе говорится, что «в ДНР / ЛНР около трети населения за оба года поддержали идею о том, что неподконтрольные правительству районы должны иметь особый автономный статус в Украине или России. Более того, около 21% респондентов в 2016 году считали, что ДНР / ЛНР должна вернуться в Донец-

кую и Луганскую области, как до войны; 24% выбрали этот вариант в 2019 г. Это изменение является статистически значимым, указывая на то, что идея возврата к довоенной ситуации стала популярной. В оба года около 55% населения ДНР / ЛНР высказались за принадлежность к украинскому государству» [22]. Данные ZOIS относительно количества людей, желающих интегрироваться в Украину, значимо расходятся с полученными в нашем исследовании, а данные касательно идентичности во многом совпадают.

Вторая часть комплексного исследования была возвращена в этнолингвистическом русле. В познавательном плане особенно значима социальная обусловленность языковых явлений. Согласно Б.Л. Уорфу, все условия, присущие тому или иному обществу, взаимодействуя с языковыми нормами, формируют характер его представителей и мало-помалу создают определенное мировоззрение [23]. Чем агрессивней среда, чем существеннее она влияет на качество жизни человека и характер общественных процессов, тем очевиднее будет языковая реакция. Важной методологической категорией в данном дискурсе является понятие региолекта: «Особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой, – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа, и тем самым объединяют значительные группы того или иного этноса» [24. С. 22]. Исследования в области донецкого региолекта в последние годы ведутся филологами Донецкого национального университета [25. С. 18].

Устный нарратив, подвергнутый парадигматическому и синтагматическому анализу, способен детализировать представления о самосознании населения Донбасса, проследить пути его формирования, выделить факторы, обеспечивающие стабильность или влияющие на динамику мнений. Введение в исследование подобного источника существенно дополняет и конкретизирует информацию, полученную в результате опросов общественного мнения. Вместе с тем неизбежная селективность при создании источников для качественного семиотического анализа уравнивается сплошной выборкой материала из открытых интернет-источников, непосредственно связанных с ЛДНР, – сайтов оповещения населения, городских форумов и твиттер-аккаунтов, зарегистрированных на территории республик. Приоритеты онлайн-опроса по анкете, при всем стремлении исследователей к объективности, сформированы извне. Напротив, сплошная выборка произвольно аккумулированного в соцсетях информационного контента позволяет выявить вопросы, актуальность которых связана с ненаправленной внутренней инициативой. Диалоги в чатах и на форумах исследователи определяют как «письменную разговорную речь» по ряду формальных признаков, особо подчеркивая ее эмоциональность, которая сохраняется в фиксированной форме [26]. В этом смысле интернет-диалоги представляются особенно ценным

источником. Кроме того, относительная анонимность сетевого собеседника позволяет ему быть более откровенным, нежели при личном контакте. Интернет-ресурсы являются сравнительно новой, но активно развивающейся культурно-языковой средой. Описание перспективных разновидностей сетевых ресурсов, методические установки по работе с контентом и результаты предыдущего опыта уже опубликованы ранее [27]. Установлено, что при ответственном отношении к выборке интернет может стать ценным источником донбасских региолектизмов – лексики, идиом, понятий, текстов.

Корпус источников исследования в 2020 г. представлен несколькими общественными ресурсами социальной сети vk (ВКонтакте), специально созданными в период вооруженного конфликта на юго-востоке Украины для информирования населения о текущей ситуации: «GOVES Группа оповещения Новороссия. ДНР. ЛНР.» (54 703 подписчика); «Сводки от ополчения Новороссии» (434 526 подписчиков); «Самооборона Горловки» (144 699 подписчиков) (Статистика по интернет-ресурсам дается по состоянию на 29.12.2020). Еще одну группу составляют аккаунты на платформе Twitter, в профиле которых при регистрации так или иначе обозначена территория республик Донбасса, а длительный анализ контента не оставляет сомнений в реальности заявленных лиц и их самодеклараций. Был определен круг из 19 микроблогов, на которых пользователи систематически размещают материалы о своей повседневной жизни: 14 из ДНР (в том числе 3 зарегистрированных в Горловке) и 5 из ЛНР. Помимо собственных постов основные пользователи размещают на данных ресурсах информацию аккаунтов, близких по интересам. Обратная связь с блогосферой реализуется в форме комментариев подписчиков, мнения которых могут быть диаметрально противоположными. Таким образом, общение охватывает достаточно обширную аудиторию – около 11 тыс. пользователей Twitter (6 825 и 3 986 из ДНР и ЛНР соответственно) и более 600 тыс. подписчиков групп оповещения ЛДНР vk. Данные ресурсы подвергались регулярному мониторингу в течение 2020 г. и выборке лингвистического материала по наиболее частотным ключевым словам. К сожалению, количественному анализу собранный материал не подлежит, поскольку, во-первых, интерес представляют продукты коммуникативной активности – отвлеченные мнения и речевые манифестации, принадлежащие исключительно жителям ЛДНР. Кроме того, одни и те же пользователи, как правило, подписываются на несколько аккаунтов и общаются параллельно в нескольких микроблогах. Но даже после жесткого отбора по названным критериям, включая максимальный учет погрешности, охват проблемы в территориальном, численном и содержательном измерениях донбасского мира остается достаточно внушительным и показательным.

За последние годы в системе донецкого региолекта сформировался корпус лексико-семантических выражений трансформации идентичности – результат мучительного переживания социально-политической катастрофы. В синхронном срезе языковых процессов

доминирование шахтерской идентичности, которая ранее традиционно выделялась специалистами как центральный маркер региональной языковой личности [25. С. 117–122], претерпевает определенную девальвацию, уступая место иным отождествлениям гражданских, этнокультурных и политических предпочтений. Важным объективным признаком идентичности является язык неформального общения в соцсетях – пользователи отслеживаемых ресурсов общаются на русском, хотя как жители двуязычного региона с преподаванием украинского на всех ступенях образования они им хорошо владеют. Однако тот факт, что украинские слова и выражения при весьма редком использовании выступают исключительно средством усиления комического или саркастического эффекта, свидетельствует о его сознательном отторжении. «Щенверла рассылає денги. Головне, держати карман шире» [28] (Щенверла – здесь 'Украина'. Искаженно «Ще не вмерла України і слава, і воля» – первые слова государственного гимна Украины с 2002 г.); «Муж погіб при обстрілі «захисниками», жєна со множинними рєннями в больниці» [29] (Захисники – укр. 'защитники'), – это проявления языкового нигилизма, хоть и весьма бледные на фоне всплесков этнического фанатизма, которые наблюдаются у сторонников евромайдана.

Среди наиболее заметных языковых явлений, связанных с проблемами означивания субъектов новой реальности на начальном уровне изучения собранных материалов, было выявлено интенсивное осмысление дихотомии свой / чужой. Этот процесс прослеживается в развитии просторечных форм политонимов и соционимов (укры, нацики – 'сторонники Киевского Майдана, украинские националисты', сепары, вата – 'сторонники «Русского мира» и ЛДНР' и т.п.). Однако функции инструмента дифференциации способны приобретать и нейтральные языковые единицы, относящиеся к базовому корпусу национального языка, например местоимения. Местоимения *мы, наши, все, вы* и другие открывают особенности современной самоидентификации и позиционирования населения, со всей страстью передавая трагический характер реалистической подоплеку саморефлексии. Сплошная выборка речевых манифестаций по ключевым местоимениям из полемических комментариев на сайтах оповещения дает им достаточно контекстных характеристик.

МЫ: «Мы каждый день переживаем ад». «А мы в ответ грозим пальцем и считаем снаряды». «Мы отвечаем не по мирным жителям с той стороны, а ровно куда надо». «Мы живем в подъездах и подвалах». «Мы принимаем огонь на себя». «Мы же крепко стоим с 2014 года. Храни нас всех Бог...». «Мы хороним лучших парней». «Мы все должны быть вместе и только так мы победим украинскую нечисть». Причины появления людей категории *мы* для жителей Донбасса совершенно прозрачны, и в первую очередь они связываются с утратой украинской идентичности: «Шість лет назад в этот день убегає под обстрілами из города, мы думали, через пару недель (вернемся. – Т.В.). В этот день погубило много мирных жителей в центре города. Странной любовью нас любит

Украина» [30]. Утверждение необратимости кризиса самоидентификации на протяжении всего конфликта является устойчивой темой донбасской блогосферы. «Ничто так не стимулирует совместную мирную жизнь, как предварительные многочасовые артобстрелы городов – ДОНБАСС – УКРАИНА... За 6 лет Практически Непреодолимая НЕНАВИСТЬ! (ОСНОВА КОТОРОЙ – ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ!)» [31].

Категория *мы* по многим признакам совпадает с определениями региональной идентичности *донецкие, дончане*, содержание которых за время войны сузилось и конкретизировалось. «Настоящие донецкие» оказались противопоставлены любым другим участникам донбасского конфликта как минимум тем, что «не оставили города свои» (это перифраз строчки из песни рок-группы «Декабрь», которая после 2014 г. стала своеобразным гимном Донбасса) и не уехали туда, где сытнее и безопаснее. По этому критерию жесткой ревизии подлежат даже управленческое ядро республик и ряды ополченцев, воевавших за нее в тот или иной период. «Больше "адекватных украинцев" оставшихся на своей земле донецких ненавидят самозванцы парламента Новороссиї, обиженныє первой второй волны и прочие патриоты на удаленке. Наверное, потому что мы все еще не сдохли. Или не с...лись (не уехали. – Т.В.) как они» [32]. «Я многих знаю из (ополченцев первой волны. – Т.В.). Но настоящие первые до сих пор рядом с нами. А ты сбежал. Оскорбил нас жителей Донбасса и продолжаешь себе хайп ловить. Сбежал, теперь Донбасс – это не твоя тема. Сиди за Крым пиши. У нас на Донбассе предателей не приветствуют...» [33]. Яркий пример – И.И. Стрелков (Гиркин), о котором без особых вхождений в военно-политические детали пишут: «Пока был здесь – был Стрелок, я его уважал, а бросил – стал Гиркин, вообще другой человек, несет там пургу» [34]. Принцип исключительности при выделении донбасского *мы* открывает проблему трагического одиночества жителей республик перед тяготами настоящего и неопределенностью будущего. В противопоставлении рядовых дончан всему миру, включая собственную республиканскую власть, просматривается нарастающее разочарование в тех, кто за долгие годы не смог избавить их от этой участи. «Доверия нет ни к власти ни к их подконтрольным СМИ...» [35]. «Затрашали и одни и другие, мира хочется...» [36]. И уж точно, никто не вправе поучать Донбасс, подгонять под какие-то собственные представления о том, как он должен был «правильно встать» и героически жить: «Что сами виноваты, что не так стоим, что Кремль не виноват, а мы все ноєм, всего-то 6 лет говновозии» [37]. «Как же зае...ли (утомили. – Т.В.) эти светлоликие люди, по мнению которых, дончане обязаны ходить все в черном, хмурые, голодные, несчастные, никогда не покидать этот город, работать по 12 часов до конца своих дней или войны. И всё это только потому, что этим светлоликим так видится!» [38].

К категории *мы* относятся термины – *вата / ватники* и *сепары*, впервые получившие распространение в связи с общественной дискуссией 2014 г. на Украине наряду с *титущками* и *колорадами*. Возникнув

как оскорбительные, уничижительные ярлыки для русских и советских вообще и для русских Донбасса, не разделявших «ценности» киевского майдана, в частности, слова *ватники* и *сепары* приобрели иронические коннотации, а затем стали употребляться и как гордые самоназвания с изрядной долей насмешки над противником. Можно вспомнить популярное при А.В. Захарченко кафе «Сепар» в центре Донецка, подписи под фотографиями пленных «героев АТО»: «Группа дивергов пошла убивать вату, но что-то пошло не так» [39], или донбасские ники в Twitter и vk – *Вежливая Ватница*, *Ватник Сепаратор*, *Черный Сепар* и т.п. *Мы* – наиболее цельная и одновременно динамичная категория среди идентичностей Донбасса. Содержание других категорий более стабильно.

НАШИ: «*Наши* защищаются». «Укурки используют БПЛА [беспилотный летательный аппарат] для прицеливания, *наши* сбивают из города стрелковым». «*Наши* держат достойно оборону!». «Надеюсь это *наши* куда-нибудь точно влупили, хотя это маловероятно». «Это *наши* пацаны даже после тяжелых ранений и на протезах возвращаются на позиции». «Нечего страшного это *наши* смс отправляют! – *Наши* насыпают...». «Хоть всех *наших* поубивают – не ответят, ибо НИЗЗЯ». То есть, *наши* – это преимущественно представители воинских подразделений, отстаивающих право непризнанных республик на существование и безопасность их граждан с оружием в руках. «*Смотришь на наших ребят – молодых парней и мужчин постарше, на наших девушек и женщин, которые тоже служат и защищают, и действительно гордишься*» [40]. Наиболее полным синонимом к *наши* служит разговорное *пацаны*, буквальное значение которого – 'бойцы ополчения (или народной милиции)': «*Благо что не по городу... пацаны там щас терпят за всех..*» [34]; «*Береги вас бог пацаны побольше укров артай накрывайте и берегите себя*» [34]. Внутренне категория довольно однородна. Можно выделить ряд терминов, называющих ее представителей: *ополченцы*, среди которых особо выделяются *ополченцы первой волны*, а также *добровольцы*, *бойцы Республик*, *защитники Республик*, *защитники Донбасса*, *ребята*, *медведевцы* (*призраки*, *спартаковцы* и т.п. – от наименований подразделений) и др. Их значения не выходят за рамки группы наименований военнослужащих ЛДНР.

Кроме того, в категорию *мы* входят две весьма значимые группы – *наши мертвые* и *наши дети*, граница между которыми бывает трагически переменчива: «*Мне жаль наших деток, которые испытали весь ужас этой войны. А погибших деток никогда не прощу этим нелюдям!*» [41]. «*Ангелы #Донбасса. Погибшие наши дети от рук убийц Украины...*» [42]. Дети занимают особое место среди *наших*, самым фактом своего существования внося вклад в борьбу: «*В ДНР за 6 лет родилось более 70 000 детей – 70 000 детей, которые не знают что такое мир*» [43]. *Наши мертвые* – это не только цена, которую Донбасс платит за свою идентичность, но и жертва, устанавливающая преемственность между ополчением и «героями былых времен»: «*Вечная память героям вы приехали с разных субъектов России для единой цели, для борьбы*

против укромфашистов как раньше наши деды и прадеды покойтесь с миром герои» [34]. В текущей реальности, когда усталость и разочарование в республиках все заметнее, *наши мертвые* становятся нравственным ориентиром, последней заставой, от которой некуда отступать: «*Даже, мёртвые, они не уходят с рубежа и продолжают сражаться “на смерть”!*» [44]. «*...Каждый погибший ребенок стал ангелом Донбасса, который сегодня оберегает нас и нашу землю*» [34. Диалог о погибших детях от 01.06.2019]. *Наши мертвые* представляются бескомпромиссными, перед ними может быть стыдно не то что за примирение – за любой прагматический контакт с Украиной: «*Кто то вообще не ездит к Врагу за подачками... [Одна женщина] сказала: – Мертвые наши все видят и вам этого не простят! Может она и права, у нее сын погиб защищая Республику и сама она не ездит за пенсией, так как западло ей ехать к Врагу на поклон*» [34].

ВСЕ: «*Все* знают, что делать – заряжаем зарядки, набираем набиралки». «*Всем* быть внимательными и осторожными: не расслабляйтесь, не забывайте о собственной безопасности, заряжайте мобильные устройства, пополняйте запасы воды, держите под рукой документы». «*Всем* прифронтовым быть осторожными, по возможности держаться укрытий». «**ВСЕМ ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ! АРТОБСТРЕЛ!**». «**Всем ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОКОН!**». «*Всем* быть осторожными. Закругляйтесь с прогулками. Жители прифронтовых районов, будьте готовы занять укрытия и безопасные места». «*Всем* в укрытие! РАБОТАЕТ АРТА! СРОЧНО ПОКИНУТЬ УЛИЦЫ!». «*Низкий поклон... Всем, кто отстоял и продолжает отстаивать мой город... в том числе. Всем, кто стоит и стоит на рубежах республики*». «*Запад! Всем* быть начеку! ...на сводку не надейтесь». Согласно очерченным в контекстах связям категория *все* представляет собой преимущественно территориальное понятие, объединяющее жителей Донбасса по принципу проживания в обстреливаемых районах, независимо от их личных политических предпочтений. Составляющие ее персонажи по умолчанию должны испытывать эмпатию друг к другу, поскольку переживают одинаковые трудности. Но в реальности это не так. Наряду с императивами заботы и внимания, составляющими большую часть текстов, обращенных ко *всем*, данная категория обнаруживает внутреннюю разобщенность, что закономерно, если принять во внимание сложную повседневность региона. Далеко не все жизненные стратегии населения исчерпываются вооруженной борьбой на одной из сторон конфликта или их стоической поддержкой. Среди социальных страт выделяются несколько, вызывающих у активных граждан особенно негативные эмоции, хотя речь, скорее всего, идет о простых обывателях. *Хатаскрайники* – аполитичные жители, решающие в ходе войны свои прагматические задачи («*Так того... известное дело, ленивые хатаскрайники на черных джипах все вывезут. – Если под “бизнесом” понимать распил и уничтожение промышленности, то таки да*» [45]). *Фальшивые дончане* – лица, которые спекулируют на трагедии Донбасса («*Ещё в До-*

нецке “гуляют” фальшивые Дончане» [46]; «Тут их всяких... Приезжает перец на bтw тб и начинает тут рассказывать как он от войны все потерял» [47]). Сюда же относится группа всем недовольных, сеющих панику и негатив среди местных жителей, в адрес которых один из членов республиканского правительства позволил себе крайне резкие слова [48]. *Понаприехавшие* – приехавшие или возвратившиеся на Донбасс после прекращения активных боевых действий 2014–2016 гг. («*Понаприехавший, он (ведущий местного телевизионного канала. – Т.В.) здесь с нами в горячие 2014... и т.д. не был... – От чистого сердца желаю что бы мимо дома этого ё... ного ведущего такая техника ездила, пусть с...ка ощутит “непередаваемые ощущения... – да и прилеты его то же не слабо “восхищают”*» [49]). Представителями сплоченной категории *мы* лица, заслуживающие вышеприведенных упреков, рассматриваются как «чужие среди своих», входящие зачастую в категорию *вы*.

ВЫ: «Если *вы* считаете, что нас обстреливают российские террористы, наемники и местные сепары, то *мы* вот что *Вам* скажем. НАС УБИВАЮТ! ГОРЛОВКУ СНОСЯТ С ЛИЦА ЗЕМЛИ! И ЭТО НЕ ОПОЛЧЕНЦЫ ИЛИ ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ РОССИИ! ЭТО УКРАИНСКАЯ АРМИЯ, ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ БАТАЛЬОНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ УКРАИНЫ!». «Да никто [нами] не прикрывается, *мы* сами уезжать не хотим, *вам* этого не понять просто». «Зачем говорить *вам*, о том чего не знаете и сами не ощутили? Не стоит спорить о наших желаниях и нашей жизни».

Как *мы* видим, категория *вы* устойчиво противопоставляется *мы* – это маркер отчуждения, который в равной степени относится и к жителям Украины за пределами воюющих республик, и к россиянам, следящим за событиями дистанционно – по СМИ или интернет-ресурсам. Среди представителей группы *вы* можно обнаружить так называемых *уехавших* – донбасовцев, покинувших родной регион в связи с военными событиями, а также находящихся где-то далеко родных и близких тех людей, которые продолжают оставаться в зоне риска. *Вы* – это те, кто не переживает беду здесь и сейчас вместе со *всеми нами*. Закономерно, что самые емкие формулы отделения своих от чужих – «Я тут был», «Я сидел под обстрелами», «Те, кто тут жил» или, напротив, «Их тут не было»: «Народ у нас приехал с морей не жили тут под обстрелами им дико» [50]. В адрес последних в речевой практике фиксируются презрительные и бранные наименования – уже рассмотренные выше *понаприехавшие*, а также *уехавшие*, *уезжанцы*, *сь...банцы* и т.п. В конечном счете, отсутствие в тяжелые для Донбасса дни способно аннулировать права уроженца и заслуги предыдущих лет. Например: «Смешно, когда давно уехавшие именуют себя дончанами, и заявляют свое фе по недавним событиям. Панове-господа, *вы* уже одесситы, киевляне, москвичи. Чтобы стать дончанами, придется вернуться. Нет? Тогда сосредоточьтесь на проблемах своей новой родины, а здесь разберутся без вас» [51].

Описанные категории служат своеобразными маркерами для дифференциации населения Донбасса по

отношению к текущему конфликту. Можно сказать, что это наиболее широкие дефиниции донбасской идентичности, которые можно выделить, опираясь на языковые данные. Вместе с тем каждая из рассмотренных категорий отмечена печатью «особости» на фоне других жителей русско-украинского пограничья. Обособление происходит как от Украины и украинцев, так и от России и россиян: «*Донбасс – не лошадь, которая на всякого глядит и мечтает, чтобы его оседлали и на его горбу поехали*» [52]. Однако противопоставление «своих» и «чужих» в первом и во втором случае неодинаково. Несмотря на то что общим явлением следует признать активную рефлексивность и обильное словотворчество, поток которого в адрес России лишь немногим скромнее, содержательно они выражают разные идеи. В отношении современных киевских властей и ВФУ жители Донбасса могут спокойно объяснять причины отторжения: «*Вынудили укропы своим отношением к русскому языку, к людям Донбасса и прошлому огромной страны. Разошлись и каждый строит своё уже. До 2014 не было никаких предпосылок к смене языков и названий. Никто на Донбассе ничего не менял. А кто вынудил укропов менять, 9 мая заменять? Сами решили*» [53]. И таких текстов в сети довольно много. Но основные эмоции речевых репрезентаций дончан, когда обсуждается их отношение к Украине, – это гнев, презрение и мечты о возмездии. Гнев, связанный с бесчеловечными способами подавления несогласных – «*Думали, что пройдут как фашисты унижая и убивая!!!! Не на тех навались, твари!!! – Вошли не так. Как и немцы в Москву. В 1945*» [54]. Презрение к мародерам-грабителям, мечты о возмездии и справедливом суде – «*Вот интересно мне... семья укров, живущая в моей 3-х комнатной квартире в центре Краматорска на всем готовом как там себя чувствует?*» [55].

И даже если гневные реплики порой перебиваются резонным напоминанием о другой Украине – «*Не называй их украинцами... фашистами, бандерлогами, пиндосовскими подстилками, только так :@*» [34]», главный вывод – это вывод о несостоятельности единства на крови: «*“Самая единая нация в мире”?* Но как сожжённые в Одессе украинцы могут быть едины со своими палачами, а тысячи погибших и покалеченных мирных жителей Донбасса – с боевиками ВСУ, пишущими на снарядах “Всё лучшее детям”?!» [56]. В русле подобной экспрессивной риторики вопрос об общем будущем Донбасса в составе Украины не рассматривается: «*Укра зло, – на карте в будущем её нет*» [34].

Но и в адрес России дончане говорят слова разочарования, усталости и обиды. Эти чувства тем глубже и трагичнее, а выражения резче, чем сильнее были вера и русское братство и надежда на признание Донбасса его легитимной частью. «*Потом референдум был. Потом Дебальцево. Даже тогда я ещё верила, что у россиян есть сердце и хоть немного здравого смысла. Потом был убит Алексей Мозговой. Теперь нет этому аду конца. И никто не бежит вводить миротворцев. Зачем? Русских ведь слишком много, их должно стать меньше?*» [57]. Донбасс не понимает политики российского руководства, которая позволяет тянуться невыносимой

ситуации «ни мира – ни войны» с ее экономической скованностью и юридической неопределенностью: *«Это людоедство продолжается седьмой год... и будет продолжаться... до тех пор, пока для Кремля укрофашисты в Куиве будут оставаться “партнёрами”... – Тысячи аргументов приводите, никогда не пойму и не приму – почему седьмой год под боком великой страны с сильной Армией гибнут наши русские люди? И это при словах пафосных – своих не бросаем. Да, не бросаем, но почему изподтишка и тайком, почему не прямо – ввезти войска и отогнать сук [58]»*. Мучительно безвременье отягощается отсутствием представления о планах России в отношении Донбасса. Вернее, тем, что провозглашаемые планы – возвращение Донбасса под власть Киева, пусть и с особым статусом – не совпадают с мечтами и чаяниями подавляющего большинства населения республик. *«“Леонид Кравчук запретил переговоры с ЛДНР и ждет слива республик Владимиром Путиным до нового года” – “Да мы тоже все семь лет ждём с дня на день”» [59]*. В подобных обстоятельствах бесконечные обсуждения проблем реализации Минских соглашений усиливают панические слухи и подозрения: *«Мало нам издевательств Украины, теперь еще и Россия подключилась? Что за танцы на костях жителей Донбасса? Я себя начинаю чувствовать подопытной! Простят-непростят... помирят-не помирят... Вы что там, блть, ополумели что ли? Мы же ЖИВЫЕ ЛЮДИ! И нас 6-й год убивают!!!» [60]*.

Заключение. Если обобщенно сформулировать мнение большинства и выделить ключевые идеи событий весны 2014 г. на Донбассе, то, прежде всего, это чувство отчужденности, неприятие смены власти в Киеве и идей Майдана (национализма, нацизма и т.п.), выступление против навязывания украинства и ущемления русского языка и культуры. Закономерным продолжением стало стремление к сближению с Россией – то, что отметили многие, можно обобщить как «присоединение по примеру Крыма». Примерно половина ответов содержала эмоционально окрашенные высказывания, отражающие идеалы и ценности респондента, причем по смыслу как поддерживающие, так и выступающие против произошедшего на Донбассе в 2014 г. Установлено, что приоритетной у опрошенных остается региональная идентичность – «житель Донбасса», и доля таковых совпадает с другими исследованиями, проводившимися на территории Донецкой и Луганской областей. Значительную долю составляют те, кто не ожидает, что в ближайший год произойдут изменения в статус-кво непризнанных республик, что показывает распространение апатии в обществе. Открытый вопрос относительно желаемых изменений показал, что примерно половина выразила желание войти в состав РФ. Причем некоторые прописывали несколько вариантов как признание государственности и / или расширение границ республик. Отдельно стоит отметить людей, желающих интегрироваться обратно в Украину, и тех, кому не

принципиально, в какой стране быть, желающих любого мирного разрешения. Примерно шестая часть опрошенных – 14 человек, прямо прописали, что хотели бы возвращения под контроль Киева. Тенденции, описанные в предшествующих исследованиях, продолжают и в 2020 г., есть основания говорить об усилении некоторых из них, например о повсеместном распространении апатии. На данный момент большинство жителей ДНР и ЛНР ориентированы на сотрудничество с РФ, однако, предположительно, доля тех, для кого не имеет значения принадлежность власти, лишь бы установился мир и законный порядок, будет увеличиваться.

Сопоставляя данные онлайн-опроса с материалами из открытых интернет-источников, мы находим достаточно полное совпадение результатов по всем сопоставимым позициям, среди которых ведущей темой остается отторжение навязываемой украинской национальной идентичности и укрепление региональной донбасской с развитием такого ее варианта, как «донецкие / луганские русские». Однако при детализации мнений анкетирование дает одномерный срез текущей ситуации, из которого сложно сделать вывод о причинах тех или иных предпочтений, высказанных участниками опроса, уловить смысл иносказаний и оценить эмоциональный посыл. Речевые манифестации и тексты в микроблогах открывают переживания жителей Донбасса и позволяют проследить динамику мнений в событийном контексте. В рамках данной модели исследования очевидно неоднородное иерархическое строение региональной идентичности. На широком базисе общности земляков, объединенных культурно-языковыми и мировоззренческими приоритетами, обособляется группа «настоящих» дончан – совместно переживающих все годы трагедии войны на своей земле. Посредством выделения маркера общей травматической судьбы утверждается невольная, а скорее вынужденная самодостаточность дончан. Как бы ни было сильно стремление в Россию, о котором заявлялось с весны 2014 г. очень много раз и самыми разными способами, насколько бы активным ни был процесс получения паспортов РФ, очевидно, какую разрушительную силу испытывают на себе донбассовцы, находясь столько лет в опасности и неизвестности. В подобном контексте выявленная при онлайн-опросе тенденция роста количества жителей непризнанных республик, согласных на добровольное возвращение под юрисдикцию Киева, чтобы закончить войну, – это пока еще не пересмотр выбора 2014 г., а тенденция роста отчаявшихся стать полноправными русскими. В образном решении Россия предстает жестокой матерью, оставившей своих детей, ее любят, мучительно ждут и отчаянно ненавидят за это. Поэтому обращения к Москве варьируются в широком эмоциональном диапазоне – от выражения любви и благодарности до разного рода претензий, тяжких подозрений и призывов несчастий на головы тех, кто не понимает, до какого края терпения доходят жители Донбасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соціально-політична ситуація в Україні (липень 2020 р.) URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/sotsialnopolitichna-sytuatsiia-v-ukraini-lipen-2020r> (дата обращения: 11.11.2020).
2. Matveeva A. Through Times of Trouble: Conflict in Southeastern Ukraine Explained from Within. Lexington Books, 2018. 338 p.
3. Piliaiev I. The Nature of the Armed Conflict in the Donbas: a postnonclassical viewpoint // Ideology and Politics. 2019. № 3 (14). P. 77–105.

4. Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47 (5). P. 801–821. DOI:10.1017/nps.2019.68
5. Sasse G., Lackner A. War and identity: the case of the Donbas in Ukraine // *Post-Soviet Affairs*. 2018. P. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209
6. Abibok Yu. On the way to creating the 'Donbas people'. Identity policy in the self-proclaimed republics in east Ukraine // *Centre for Eastern Studies*. 2018. Number 270. P. 1–8.
7. Kuzio T. Russian stereotypes and myths of Ukraine and Ukrainians and why Novorossiia failed // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. № 52. P. 297–309.
8. Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, war, and peace: public attitudes in the Ukraine-controlled Donbas // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. P. 1–25. DOI: 10.1080/15387216.2019.1667845
9. Veira-Ramos A., Liubyva T. Ukrainian identities in Transformation // *Ukraine in Transformation: From Soviet Republic to European Society* / A. Veira-Ramos, T. Liubyva, E. Golovakha (ed.). Springer Nature, 2019. 282 p.
10. Pakhomenko S., Трума К., Francis J.A. The Russian–Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // *The Use of Force against Ukraine and International Law*. Т.М.С. Asser Press, The Hague, 2018. P. 298–312.
11. Giuliano E. Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2018. DOI:10.1080/1060586X.2018.1447769
12. Гордеева А.В., Анисимова И.А. Этнические стереотипы и этническая идентичность студенческой молодежи Донбасса // *Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.)*. Т. 5: Философские и психологические науки / ред. проф. С.В. Беспалова. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 256–258.
13. Татарнинов И.Е., Герасимов А.В. Южнорусская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке // *Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* 2019. С. 537–545.
14. Ангелина Э.А. Региональная идентичность Донбасса в контексте патриотизма // *Вестник Донецкого национального университета*. Серия Д: Филология и психология. 2018. № 3–4. С. 67–75.
15. Кусургашев В.Н. ДОНБАСС-2014. Идентичность как детерминанта // *Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы III Междунар. науч. конф.* Москва, 19 апреля 2019 г. М.: МХПИ, 2019. С. 274–277.
16. Клименко А.Б. Индустриальная идентичность как основная мировоззренческая парадигма Донбасса // *Вестник Донецкого национального университета*. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 100–105.
17. Разбор / Опрос из Донецка. Можно ли ему верить? Социологи говорят – нельзя. URL: <https://www.liga.net/politics/articles/opros-iz-donetska-mojno-li-emu-verit-sotsiologi-govoryat---nelzya> (дата обращения: 01.11.2020).
18. Внукова Л.Б. Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса // *Южно-Российский журнал социальных наук*. 2018. № 4. С. 180–196.
19. Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження: «Особливості свідомості і ідентичності жителів підконтрольної та окупованих територій Донецької області». URL: <https://drive.google.com/file/d/1gWg9Jk5hqZlwsVTCmBUdrY9UxJxIHsv/view> (дата обращения: 08.12.2020).
20. Мазина Н.Е. Социальная идентичность жителей Донбасса в транзитивном обществе // *Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. Т. 3. Секция 4: Правовая психология и правосознание личности. Секция 5: Социально-психологические проблемы развития личности*. Донбасская юридическая академия. 2020. С. 355–364.
21. Кусургашев В.Н. Особенности формирования идентичности подростков Донбасса в период становления государственности // *Психолого-педагогические проблемы развития ребенка в современных социокультурных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. 2018. С. 320–324.
22. Sasse G., Lackner A. Attitudes and identities across the Donbas front line: What has changed from 2016 to 2019? *ZOiS Report 3/2019*. URL: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZOiS_Reports/ZOiS_Report_3_2019.pdf (дата обращения: 11.11.2020).
23. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // *История языкознания: XIX – 1-я половина XX в. / сост., автор ком. и заданий З.И. Резанова*. Томск, 2010. Ч. 2. С. 135–168.
24. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб., 2005. 456 с.
25. *Донецкий региолект* / под ред. В.И. Теркулова. Донецк, 2018. 265 с.
26. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // *Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртэнэ и современная лингвистика: междунар. науч. конф.* Казань, 2001. Т. 2. С. 7–9.
27. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса // *Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: историко-антропологические очерки*. Ростов на/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. С. 400–417.
28. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155 (дата обращения: 10.12.2020).
29. AlexanderDonetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (дата обращения: 04.08.2020).
30. VelEast. URL: <https://twitter.com/chernaykoshka8/status/128777785700810752> (дата обращения: 07.08.2020).
31. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688> (дата обращения: 24.10.2020).
32. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1289486500581666817> (дата обращения: 01.08.2020).
33. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1289488218786734081 (дата обращения: 01.08.2020).
34. GO Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР. URL: <https://vk.com/opoveshenie> (дата обращения: 16.10.2018).
35. Донецк. Город-Герой. URL: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (дата обращения: 03.08.2020).
36. Самооборона Горловки. Гордовское сообщество. 06.11.2014. URL: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (дата обращения: 01.08.2020).
37. Анна Красовская. URL: <https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232> (дата обращения: 07.08.2020).
38. Донецк. URL: https://twitter.com/7_Donesk77wite7/status/1329152898085875713 (дата обращения: 21.11.2020).
39. Алина. URL: https://twitter.com/allinka_z (дата обращения: 23.07.2020).
40. Заметки Толкачевой. URL: <https://t.me/tolkachevik/76> (дата обращения: 25.06.2020).
41. Артем Донецк. URL: https://twitter.com/Artem_Donbas/status/1309742906660589570 (дата обращения: 24.10.2020).
42. Влад. URL: <https://twitter.com/MrVlad06/status/1297330347261263873> (дата обращения: 16.09.2020).
43. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1319648364011638787> (дата обращения: 24.10.2020).
44. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1303184209444507648> (дата обращения: 16.09.2020).
45. DonRF. URL: <https://twitter.com/romchik1111/status/1289422296948457473> (дата обращения: 01.08.2020).
46. Донецкий гражданин. URL: https://twitter.com/DONBASS_RULIT (дата обращения: 24.12.2019).
47. Дмитрий Ажицкий. URL: <https://twitter.com/dga965> (дата обращения: 10.09.2018).
48. Дон Румата. URL: https://twitter.com/rov_sobakin/status/1286178576539308032/photo/1 (дата обращения: 23.07.2020).
49. Soleil. URL: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1275643527133827072> (дата обращения: 25.06.2020).
50. Самооборона Горловки. Переключка. 06.11.2014. URL: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlowka> (дата обращения: 06.04.2018).
51. Из Донецка. URL: https://twitter.com/_dn_ru (дата обращения: 10.09.2018).

52. Shevchenko Y. URL: <https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1337142961574993921> (дата обращения: 11.12.2020).
53. Svetlana. URL: https://twitter.com/Lana_mem/status/1312045269559672834 (дата обращения: 10.10.2020).
54. Донецк. URL: https://twitter.com/7_Donesk77wic7/status/1275842816279818248 (дата обращения: 25.06.2020).
55. Иллария Крамагорская. URL: <https://twitter.com/oYBVF8fNsPenEV/status/1326918165788495872> (дата обращения: 22.11.2020).
56. Алексей Карпушев. URL: <https://twitter.com/AleksKarpushev> (дата обращения: 08.07.2020).
57. Снега.net. URL: https://twitter.com/nina_CCCP/status/1335794812805582851 (дата обращения: 09.12.2020).
58. Alexander Donetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (дата обращения: 04.08.2020).
59. Alexander Donetsk. URL: <https://twitter.com/alex127us> (дата обращения: 10.12.2020).
60. Шелковая Кисточка. URL: <https://twitter.com/KistohkaDNR> (дата обращения: 24.08.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 31 декабря 2020 г.

Self-Identification of Donbas Residents in the Context of Socio-Political Views: A Sociolinguistic Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 73–86.

DOI: 10.17223/15617793/463/10

Liubov B. Vnukova, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: vnukoval@yandex.ru

Tatyana Yu. Vlaskina, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: vlaskiny@mail.ru

Keywords: Donbas; Donetsk People’s Republic; Luhansk People’s Republic; identity; self-identification; virtual communities.

The study is carried out under the state assignment to the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Project No. AAAA-A19-119011190185-9.

The article is dedicated to the study of self-identification of Donbas residents in the context of identity problems in Ukraine as a whole. The article reflects the results of a pilot sociological survey conducted in the fall of 2020. The obtained data are compared to other public opinion polls related to the issues of identity, socio-political views and ideological preferences of Donbas residents. In addition, this topic was considered using interdisciplinary approach and with the help of ethnolinguistic expert examination based on the speech manifestations of inhabitants of the unrecognized people’s republics on the Internet resources. The study of different points of view on identity problems in Donbas on both sides of the conflict showed that the views of researchers majorly coincide. The differences are in the evaluative plane and in the desire to substantiate a certain position. According to the study, a generalized opinion regarding the reasons for what happened in Donbas in 2014 can be formulated as: a sense of alienation, rejection of the change of power in Kyiv and Maidan ideas (nationalism, Nazism, etc.), opposition to the promotion of Ukrainian culture and oppression of the Russian language and culture. A logical continuation was the desire for rapprochement with Russia and annexation following the example of Crimea. The regional identity of a “Donbas resident” remains the most prioritized, and the proportion of those clinging to that identity coincides with other studies conducted on the territory of Donetsk and Luhansk regions. A significant proportion is represented by those who do not expect changes in the status quo of the unrecognized republics in the coming year, which shows the spread of apathy in society. An open question regarding the desired changes demonstrated that about half of respondents expressed aspiration for their land to join Russia. We pay attention to the presence of people (about a sixth part of the respondents) who want integration back into Ukraine, and those who would accept joining either country for the sake of peaceful resolution. The comparison of the survey data with materials from Internet sources shows complete coincidence of the results. Speech manifestations and texts in microblogs reveal the experience of Donbas residents and allow tracing the dynamics of opinions in the course of events. The most popular topic is still rejection of the imposed Ukrainian national identity and strengthening of the regional Donbas one with the development of such a variant of it as “Donetsk/Luhansk Russians”. The group of “real” Donetsk residents is isolated on a broad basis of the community of fellow countrypeople, united by cultural, linguistic and ideological priorities. This group has jointly endured the tragedy of war on their land all these years. Appeals to “Moscow” vary in a wide emotional range from expressions of love and gratitude to all sorts of accusations against those Russian officials who do not understand the suffering of Donbas residents.

REFERENCES

1. Razumkov Center. (2020) *Sotsial'no-politichna situatsiya v Ukraïni (lipen' 2020 r.)* [Socio-political situation in Ukraine (July 2020)]. [Online] Available from: <https://razumkov.org.ua/napiamky/sotsiologichni-doslidzhennia/sotsialnopolitichna-sytuatsia-v-ukraini-lypen-2020r> (Accessed: 11.11.2020).
2. Matveeva, A. (2018) *Through Times of Trouble: Conflict in Southeastern Ukraine Explained from Within*. Lexington Books.
3. Piliaiev, I. (2019) The Nature of the Armed Conflict in the Donbas: a postnonclassical viewpoint. *Ideology and Politics*. 3 (14). pp. 77–105.
4. Kudeliá, S. & van Zyl, J. (2019) In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas. *Nationalities Papers*. 47 (5). pp. 801–821. DOI:10.1017/nps.2019.68
5. Sasse, G. & Lackner, A. (2018) War and identity: the case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. pp. 1–19. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1452209
6. Abibok, Yu. (2018) On the way to creating the ‘Donbas people’. Identity policy in the self-proclaimed republics in east Ukraine. *Centre for Eastern Studies*. 270. pp. 1–8.
7. Kuzio, T. (2019) Russian stereotypes and myths of Ukraine and Ukrainians and why Novorossiya failed. *Communist and Post-Communist Studies*. 52. pp. 297–309.
8. Haran, O., Yakovlyev, M. & Zolkina, M. (2019) Identity, war, and peace: public attitudes in the Ukraine-controlled Donbas. *Eurasian Geography and Economics*. pp. 1–25. DOI: 10.1080/15387216.2019.1667845
9. Veira-Ramos, A. & Liubyva, T. (2019) Ukrainian identities in Transformation. In: Veira-Ramos, A., Liubyva, T. & Golovakha, E. (eds) *Ukraine in Transformation: From Soviet Republic to European Society*. Springer Nature.
10. Pakhomenko, S., Tryma, K. & Francis, J.A. (2018) The Russian–Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare. In: Sayapin S (ed.) *The Use of Force against Ukraine and International Law*. T.M.C. Asser Press. pp. 298–312.
11. Giuliano, E. (2018) Who supported separatism in Donbas? Ethnicity and popular opinion at the start of the Ukraine crisis. *Post-Soviet Affairs*. DOI:10.1080/1060586X.2018.1447769
12. Gordeeva, A.V. & Anisimova, I.A. (2019) [Ethnic stereotypes and ethnic identity of student youth of Donbas]. *Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti* [Donetsk readings 2019: education, science, innovation, culture, and modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Donetsk. 31 October 2019. Vol. 5. Donetsk: Donetsk National University. pp. 256–258. (In Russian).

13. Tatarinov, I.E. & Gerasimov, A.V. (2019) [South Russian Identity in Donbass: Some Features of Living in the 21st Century]. *Prichernomor'e v kontekste rossyskoy tsivilizatsii: istoriya, politika, kul'tura* [Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: Kuban State University. pp. 537–545. (In Russian).
14. Angelina, E.A. (2018) Donbass Regional Identity in the Context of Patriotism. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*. 3–4. pp. 67–75. (In Russian).
15. Kusurgashev, V.N. (2019) DONBASS–2014. Identichnost' kak determinanta [DONBASS–2014. Identity as a determinant]. *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya* [Image of the homeland: content, formation, actualization]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 19 April 2019. Moscow: MkhPI. pp. 274–277. (In Russian).
16. Klimenko, A.B. (2019) Industrial Identity as a Basic Worldview Paradigm of Donbass. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 100–105. (In Russian).
17. Liga.net. (2019) *Razbor: Opros iz Donetska. Mozhno li emu verit'?* [Analysis: Poll from Donetsk. Can you trust it? Sociologists say you can't]. [Online] Available from: <https://www.liga.net/politics/articles/opros-iz-donetska-mojno-li-emu-verit-sotsiologov-yat---nelzya> (Accessed: 01.11.2020).
18. Vnukova, L.B. (2018) Political and Socio-Economic Challenges in the Context of Public Mood and Identity in the Donbass Region: Based on Expert Survey Data. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 4. pp. 180–196. (In Russian).
19. Ifak Institute. (2018) *Analytical report on the results of a sociological study: "Features of consciousness and identity of residents of the controlled and occupied territories of Donetsk region*. [Online] Available from: <https://drive.google.com/file/d/1gWg9JkShqZlwsVTCmBUdRy9UxJxIHsv/view>. (Accessed: 08.12.2020). (In Ukrainian).
20. Mazina, N.E. (2020) [Social identity of Donbas residents in a transitional society]. *Aktual'nye problemy pravovogo, ekonomicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo znaniya: teoriya i praktika* [Topical issues of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. In 3 vols. Vol. 3. DonbasLaw Academy. pp. 355–364. (In Russian).
21. Kusurgashev, V.N. (2018) [Features of the formation of the identity of adolescents in Donbas during the formation of statehood]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy razvitiya rebenka v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh* [Psychological and pedagogical problems of child development in modern sociocultural conditions]. Proceedings of the International Conference. Kursk. pp. 320–324. (In Russian).
22. Sasse, G. & Lackner, A. (2019) *Attitudes and identities across the Donbas front line: What has changed from 2016 to 2019?* *ZoIS Report 3/2019*. [Online] Available from: https://www.zois-berlin.de/fileadmin/media/Dateien/ZoIS_Reports/ZoIS_Report_3_2019.pdf (Accessed: 11.11.2020).
23. Whorf, B.L. (2010) Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. Translated from English. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Istoriya yazykoznaniya: XIX – I-ya polovina XX v.* [History of linguistics: the 19th – first half of the 20th centuries]. Pt. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–168.
24. Gerd, A.S. (2005) *Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics: A course of lectures and a reader]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
25. Terkulov, V.I. (ed.) (2018) *Donetskii regiolekt* [Donetsk Regiolect]. Donetsk: Foliant.
26. Valiakmetova, D.R. (2001) [Written colloquial speech in the context of the peculiarities of Internet discourse]. *Boduenovskie chteniya: Boduen de Kurtene i sovremennaya lingvistika* [Baudouin readings: Baudouin de Courtenay and modern linguistics]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Kazan: Kazan State University. pp. 7–9. (In Russian).
27. Vlaskina, T.Yu. (2019) Yazyk voyny: sovremennye recheye praktiki Donbassa [The language of war: modern speech practices of Donbas]. In: Krinko, E.F. (ed.) *Voyny i naselenie Yuga Rossii v XVIII – nachale XXI v.: istoriko-antropologicheskie ocherki* [Wars and the population of the South of Russia in the 18th – early 21st centuries: historical and anthropological essays]. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 400–417.
28. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/1336390739522097155 (Accessed: 10.12.2020).
29. AlexanderDonetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (Accessed: 04.08.2020).
30. VelEast. [Online] Available from: <https://twitter.com/chemnaykoshka8/status/128777785700810752> (Accessed: 07.08.2020).
31. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1316379896785010688> (Accessed: 24.10.2020).
32. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1289486500581666817> (Accessed: 01.08.2020).
33. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/1289488218786734081 (Accessed: 01.08.2020).
34. GO Gruppy opoveshcheniya. Novorossiya. DNR. LNR [GO Alert group. New Russia. DPR. LPR]. [Online] Available from: <https://vk.com/opoveshchenie> (Accessed: 16.10.2018).
35. Donetsk. Gorod-Geroy [Donetsk. A Hero City]. [Online] Available from: https://twitter.com/dnr_war_2014/status/1288808394623778816 (Accessed: 03.08.2020).
36. Samooborona Gorlovki. Gorodskoe soobshchestvo [Self-defense of Gorlovka. Urban community]. 06 November 2014. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlovka> (Accessed: 01.08.2020).
37. Anna Krasovskaya. [Online] Available from: <https://twitter.com/krasovskaya1988/status/1291709466061279232> (Accessed: 07.08.2020).
38. Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/7_Donesk77wic7/status/1329152898085875713 (Accessed: 21.11.2020).
39. Alina. [Online] Available from: https://twitter.com/allinka_z (Accessed: 23.07.2020).
40. Zаметki Tolkachevoy [Notes by Tolkacheva]. [Online] Available from: <https://t.me/tolkachevik/76> (Accessed: 25.06.2020).
41. Artem Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/Artem_Donbas/status/1309742906660589570 (Accessed: 24.10.2020).
42. Vlad. [Online] Available from: <https://twitter.com/MrVlad06/status/1297330347261263873> (Accessed: 16.09.2020).
43. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1319648364011638787> (Accessed: 24.10.2020).
44. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSo20/status/1303184209444507648> (Accessed: 16.09.2020).
45. DonRF. [Online] Available from: <https://twitter.com/romchik1111/status/1289422296948457473> (Accessed: 01.08.2020).
46. Donetskiiy grazhdanin [Donetsk citizen]. [Online] Available from: https://twitter.com/DONBASS_RULIT (Accessed: 24.12.2019).
47. Dmitriy Azhitskiy. [Online] Available from: <https://twitter.com/dga965> (Accessed: 10.09.2018).
48. Don Rumata. [Online] Available from: https://twitter.com/tov_sobakin/status/1286178576539308032/photo/1 (Accessed: 23.07.2020).
49. Soleil. [Online] Available from: <https://twitter.com/SoleilSoli/status/1275643527133827072> (Accessed: 25.06.2020).
50. Samooborona Gorlovki. Pereklichka [Self-defense of Gorlovka. Roll call]. 06 November 2014. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20191215113239/https://vk.com/gorlovka> (Accessed: 06.04.2018).
51. Iz Donetsk [From Donetsk]. [Online] Available from: https://twitter.com/_dn_ru (Accessed: 10.09.2018).
52. Shevchenko Y. [Online] Available from: <https://twitter.com/PrizrakRostov/status/1337142961574993921> (Accessed: 11.12.2020).
53. Svetlana. [Online] Available from: https://twitter.com/Lana_mem/status/1312045269559672834 (Accessed: 10.10.2020).
54. Donetsk. [Online] Available from: https://twitter.com/7_Donesk77wic7/status/1275842816279818248 (Accessed: 25.06.2020).
55. Illariya Kramatorskaya. [Online] Available from: <https://twitter.com/oYBVF8fnsPenEV/status/1326918165788495872> (Accessed: 22.11.2020).
56. Aleksey Karpushev. [Online] Available from: <https://twitter.com/AleksKarpushev> (Accessed: 08.07.2020).
57. Snega.net. [Online] Available from: https://twitter.com/nina_CCCP/status/1335794812805582851 (Accessed: 09.12.2020).
58. Alexander Donetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us/status/1274624049512144896> (Accessed: 04.08.2020).
59. Alexander Donetsk. [Online] Available from: <https://twitter.com/alex127us> (Accessed: 10.12.2020).
60. Shelkovaya Kistochka [Silk Brush]. [Online] Available from: <https://twitter.com/KistohkaDNR> (Accessed: 24.08.2019).